

Среди материалов Ремизова, выявленных в других фондах Рукописного отдела Пушкинского Дома, особого внимания заслуживает документ, созданный в эстетической парадигме древнерусской книжности: **Поздравительный адрес Илье Александровичу Шляпкину, датированный 23 апреля 1917**, вложен в самодельную обложку (ткань голубого цвета, с шелковой подкладкой и голубым шнуром; 23,3x37,0).

РО ИРЛИ. Р I . Оп. 51. № 440.

Собственно текст написан на двух склеенных листах (б. с филигранью, с неровными краями, цв. карандаш, тушь, перо; 33,2x44.3), сопровождается наклейкой двух рисунков: 1) сверху многофигурный орнамент с надписью «Илии Александровичу Шляпкину» (б., цв. карандаш; 3,5x23,0); 2) рис., расположенный под текстом (б., цв. карандаш; 6,5x6.5) с надписью по периметру, слева направо: «23 апреля // смутное время // Санкт-Петербург // 1917 года». В правом углу *АЗ*. Поверх рисунка наклеен отгибающийся листок кальки в форме цветка.

Подготовленный в связи с празднованием 35-летия научной деятельности ученого, этот игровой по преимуществу, но отнюдь не шуточный документ, авторство которого долгое время оставалось не атрибутированным, представляет собой стилизацию под древнерусскую грамоту XIII–XIV вв. В частности, на это указывает тип примененного Ремизовым шрифта, повторяющего основные приемы древнерусской скорописи, а также многофигурный орнамент, венчающий текст грамоты сверху, который отчетливо коррелирует с так называемым *чудовищным* (*тератологический*) стилем орнаменталистики, возникшем в древнерусской книжности с XIII в.. Особенность этого орнамента состоит в сплетении фантастических образов зверей, птиц и других представителей средневекового бестиария, изображавшихся с нарушением естественных форм.

Текст:

*Преславному и преименитому мужу хитрости русския и еллинскиекия //
законоумных книг разбирателю и обжестов неведомых в белеострове
хранителю // Или Александровичу // пресветлому боярину Шляпкину//
низко челом бьем // большаго и малаго архивнаго дела людцы // и камня
предвечнаго ископатели // на тридцати пяти годах славнаго и велемудра-
го подвига в науке тихой // достоименитаго боярина нашего // и на вое-
водстве его долгом в разных хитростях московских и заморских // и со-
гласились мы людцы пусть де он наш боярин сто лет туже ведет и чтоб
в оных бы делах ему здравствовать и долгоденствововать на славу нам и
всея Руси*

Под текстом адреса расположены подлинные подписи известных палеографов, медиевистов, историков русской литературы и библиофилов Александра Николаевича Веселовского, Сергея Павловича Розанова; фольклориста Алексея Владимировича Маркова; палеографа, диалектолога Николая Михайловича Каринского; историка Сергея Федоровича Платонова; историка Николая Петровича Лихачева; генеалoga, геральдиста и историка Владислава Крескентьевича Лукомского и др. Здесь же подписались ученики Шляпкина, среди которых значится подпись выпускницы Императорского Археологического института С.П. Ремизовой-Довгелло (1912 г.). На обороте поздравительного адреса пером надпись: «се скрепил своеручно по листам <2 слова нрзб.>». Оформление поздравительной грамоты имеет отчетливые корреляции с игровыми документами конца 1916 – начала 1917 года, относящимися к тематическому локусу Обезьяньей Великой и Вольной Палаты. На очевидную связь с «обезьяньими» документами указывает шрифт скорописи, постоянно используемый писателем; стилистика цветной «марки», напоминающей обезьяньи печати, мифологическая форма датировки «смутное время» и конечно уже оформившийся в 1917 году авторский знак в виде глаголической буквы «ч».

См. также атрибуцию подписей на адресе, проведенную хранителем мемориальной Библиотекой Высших женских (Бестужевских) курсов (СПбГУ) Алексеем Викторовичем Востриковым.

История отношений Ремизова с известным палеографом первый в России исследователем древнерусских граффити, тонкий знаток материальной культуры Древней Руси историком древнерусской литературы тщательно исследована А.М. Грачевой в ее монографии «Алексей Ремизов и древнерусская культура / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб.: Дм. Буланин, 2000. (Studiorum Slavicorum Monumenta; Т. 19). Знакомство писателя и ученого произошло во многом благодаря профессиональным интересам жены писателя С.П. Ремизовой-Довгелло, студентке Шляпкина в Археологическом институте. Ремизовы нередко посещали дом Шляпкина в Белоострове, оставшийся в памяти очевидцев подлинным музеем материальной культуры.